

БИБЛИОТЕКА АЛЬМАНАХА
«СЛОВЕСНОСТЬ»

Книжная серия
«Визитная карточка литератора»

ЛЮДМИЛА КОЛОДЯЖНАЯ

**ПОЭТАМ,
ЖИЗНЬ МОЮ
СЛОЖИВШИМ**

Стихотворения 2000-2014 гг.

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
МОСКВА

Вест-Консалтинг
2014

Колодяжная Л. И.
ПОЭТАМ, ЖИЗНЬ МОЮ СЛОЖИВШИМ.
Стихотворения.
М.: Вест-Консалтинг, 2014. – 40 с.

ISBN 5-86676-087-8

В новую книгу стихотворений Людмилы Колодяжной вошли произведения, посвященные великим поэтам Серебряного века — от Анненского до Цветаевой. Эти стихотворения появились благодаря многолетней работе Людмилы Колодяжной в коллективе лексикографов Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, который создает многотомный труд — «Словарь языка русской поэзии XX века» (издано 5 томов Словаря с 2001 по 2013 г.). Строки поэтов Серебряного века отозвались в посвящениях и цитатах стихотворений Людмилы Колодяжной.

Заказное издание

Книга выпущена в авторской редакции

В оформлении обложки использовано фото NASA. Courtesy NASA/JPL-Caltech.

- © Колодяжная Л. И., текст, 2014
- © Шестакова Л. Л., предисловие, 2014
- © Союз литераторов России, идея издания, 2014
- © Вест-Консалтинг, оригинал-макет, вёрстка, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

С Людмилой Колодяжной нас связывают годы работы над большим научным проектом — «Словарем языка русской поэзии XX века». Этот труд, воплощающий идею выдающегося филолога В. П. Григорьева, уникален своей языковой материей. В нем собраны и словарно описаны строки видных русских поэтов — от Иннокентия Анненского до Марины Цветаевой. Строки эти не могли не отозваться в творчестве такого тонкого лирика, как Людмила Колодяжная.

Открывает книгу-визитку стихотворение «Поэтам, жизнь мою сложившим...». Оно вынесено — конечно, не случайно — и в название книги. Не раз повторяя в стихотворении глагол *продолжать*, Людмила Колодяжная говорит о своих «поэтических корнях», по сути — о предназначении продолжать линию своих учителей в поэзии:

*Я продолжаю то, что до меня
возникло в пожелтевших чуть страницах,
я просто часть упавшего огня,
я лишь звено в протяжной веренице.*

Доставим себе удовольствие процитировать и другие — энергично-призывные — строки этого стихотворения:

*Вберем в себя разящий смелый звук,
проникнем в мысли, в даль продолжим строчки,
которыми пленен навечно слух,
и разорвем безмолвья оболочку.*

Вообще мысли о творчестве, о стихотворстве звучат в этой книге часто и по-разному. Наполняют ее субъекты и атрибуты мира поэзии: *поэт — стихотворец — певец, Муза, песнопенье, стихи, строки-строчки, звуки, страницы...* Казалось бы, что оригинального и неожиданного можно выстроить из этого привычного материала? Ответим на вопрос аллюзийными строками из стихотворения «Поэты», оставляющими по себе ощущение света:

*Мы странники — оттуда,
из стран, которых нет,
пришельцы, ищем чуда,
во тьме сокрытый свет.*

Или такими вариациями на тему рождения стиха:

*И лист сырой бумажный
плывет издалека,
и вырастает влажно
из-под пера строка.*

В книге, намеренно строящейся как поэтический отклик, многие стихотворения предваряются эпиграфами — строками из Ахматовой и Блока, Гумилева и Есенина, Г. Иванова и Кузмина, Мандельштама и Хлебникова... Обычно это — давно усвоенные и освоенные нами строки. Тем интереснее, как они подхватываются и осмысляются Колодяжной, какие она выстраивает диалоги с поэтами-предшественниками. Так, строка Ахматовой «Здесь столько лир повешено на ветки» порождает текст, в котором нет утверждений — только предположения: *Это, быть может, лишь путь назад..., это, быть может, твой Летний Сад..., это, может быть, Петербург..., это, быть может, Исакий замерз у Мандельштама на длинных ресницах...* Чужая строка тянет за собой имена поэтов, характерные для них образы, сливающиеся в пеструю от деталей картину:

*Это, быть может, мята иль тмин,
булки французские, вздохи, взоры,
это, быть может, томный Кузмин,
сон, отраженный в Осенних озерах.*

В бессмертном блоковском «Ночь, улица, фонарь, аптека» уловлены не очевидные, на первый взгляд, связи, трудновыразимая глубина смыслов:

*Но как еще сказать иначе —
чтобы остановить мгновенье?
И почему так много значит
случайных слов перечисленье...*

А ответ на призыв Хлебникова «Помогайте звонари, я устал...» строится через образ изначального и вечного Слова: *раскачаем Слова колокольчик, звонари помогут, колы устали...*

В этом поэтическом сборнике, как и в любом другом, есть, очевидно, не вполне удачные строки. Но не они определяют общее впечатление от книги, а стихи с ясной метафорикой, умеренной звукописью, меняющейся, на фоне разных поэтических голосов, интонацией. Обращение к своим поэтическим истокам вызывает у автора внутреннее эмоциональное переживание. Его постоянно ощущает читатель, готовый вместе с Людмилой Колодяжной сказать: *Мы вспомним строки, что забыты, прочтем их вслух в тиши морозной...*

*Л. Л. Шестакова,
д. филол. наук*

Поэтам, жизнь мою сложившим

Я продолжаю то, что до меня
возникло в пожелтевших чуть страницах,
я просто часть упавшего огня,
я лишь звено в протяжной веренице.

И ты строку, как душу протяни,
преодолей привычный страх небесный,
пусть мы останемся лишь в их тени,
но мы продолжим тех, ушедших, песни.

Вберем в себя разящий смелый звук,
проникнем в мысли, в даль продолжим строчки,
которыми пленен навечно слух,
и разорвем безмолвья оболочку.

Пусть, как для них, последним станет день —
его оправдывает только слово
учителей, которых чтим мы тень,
путь продолжая — нет пути иного.

Я как молитву буду повторять
слова не тех, кто в стане отлюбивших,
а тех, кого так страшно потерять —
поэтов, жизнь мою — сложивших.

Поэты

Мы странники — оттуда,
из стран, которых нет,
пришельцы, ищем чуда,
во тьме сокрытый свет.

Уходим осторожно
во мглу безумья зим,
где пушкинский треножник
стоит, неколебим.

Там — дом стоит без крыши,
но ступишь за порог —
из каждой строгой ниши
неслышно смотрит Бог.

И лист сырой бумажный
плывет издалека,
и вырастает влажно
из-под пера строка.

И слов иголки-спицы
затеряны в стогу,
страница белой птицей
мерцает на снегу.

Колелется треножник,
но время подойдет —
прохожий осторожно
страницу перечтет.

И вслед пойдет за нами
в страну, которой нет,
где промелькнет меж снами
во тьме сокрытый — свет...

Поэтам Серебряного века

«Здесь столько лир повешено на ветки...»

А. Ахматова

Это, быть может, лишь путь назад,
там, где твой вздох или взгляд счастливый,
это, быть может, твой Летний Сад,
там, где лиры висят на ивах.

Это, быть может, твой путь в пургу,
там, где в снегу каждый шаг утоплен,
это, может быть, Петербург,
это — бессмертный ахматовский тополь.

Это, быть может, лишь меха ворс,
или плоть шершавой страницы,
это, быть может, Исакий замерз
у Мандельштама на длинных ресницах.

Это, быть может, лишь жизни клок —
может, старой, а может, новой.
Это, быть может, воскресший Блок
перед толпою — в венце терновом.

Это, быть может, мята иль тмин,
булки французские, вздохи, взоры,
это, быть может, томный Кузмин,
сон отраженный в Осенних озерах.

Это, быть может, лишь путь назад,
взглядом скольжение по сбитым вехам,
веткам, протянутым в Летний Сад —
над тенями двадцатого века...

Миникентию Анненскому

Кипарисовый ларец

Стихотворец, как пророк —
беден, жив на хлебе-квасе,
всё же — горстку лучших строк
должен он держать в запасе.

Каждый, если он певец,
должен, Анненскому вторя,
кипарисовый Ларец
у себя держать в затворе,

чтоб хранить в нем на листах
свой последний лучший опус,
словно лепту, иль пятак,
иль в бессмертье тайный пропуск,

чтобы — взять наперевес,
в путь последний, путь неблизкий,
как несут иные Крест —
свой Ларец из кипариса...

Анне Ахматовой

Профиль Матери, ждущей Сына

Лист, как бабочка ветром распятая,
чуть желтеющий, как страница,
в черной книге — стихи Ахматовой,
стая белая, вереница,

та страница, что кажется матовой,
иль блеснет, как от жара, гляncем,
то Архангел мелькнет в ней латами,
то — Давид пред ковчегом в танце,

если Ангел, то рядом — Демон,
если луч — то кажется жалом,
самой темной эпохи темы,
те, что Муза наколдовала.

Неизменен лишь профиль строгий,
что над первой страницей стынет,
четкий профиль темной эпохи,
профиль Матери, ждущей Сына,

тоже — где-то, кем-то распятого...
Книга черная, в старом издании,
где желтеет страница свято —
свято матери ожидание...

Там высечена в камне Анна

Куда-нибудь поедем скоро —
не страстью связаны — лишь братством...
В карете черной и рессорной —
по темным улицам скитаться.

И также тёмны будут речи,
кареты стуки будут гулки,
мы пролетим Замоскворечьем
по лабиринту переулков.

Прохожих тени будут рёдки,
мы встанем в тупике укромном,
и снегом нас осыпят ветки
одетых на зиму черемух.

Сквозь кисею небесной манны
увидим дворик за оградой —
там высечена в камне Анна
Ахматова — и тополь рядом...

Мы вспомним строки, что забыты,
прочтем их вслух в тиши морозной,
и снова загремит по плитам
карета, по камням замерзлым...

* * *

«Особенных претензий не имею...»

А. Ахматова

Уже слышны уключины тех лодок,
что жизнь за горизонт перевезут,
куда рукой подать мне, путь короток,
меня оставит пенопенья зуд,

что для души был манной, пищей,
молитвой — понимала я — служу...
Я к дому жизни подходила нищей,
я к дому смерти — нищей подхожу...

Я облако считала лучшей кровлей,
а дождь — чистойшей из земных водиц,
когда-нибудь он просочится кровью —
по строкам-жилкам в землю, из страниц...

Я не имею никаких претензий,
что не исполнен каждый мой каприз,
я слово рисовала, словно вензель,
напоминавший облака абрис...

Александр Блоку

* * *

*«Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят царствие твое!»*

А. Блок

Предсказанье становится Роком...
Белый венчик свивался из роз,
и увел за собою Блока
в небеса Иисус Христос.

Предсказанье из строчек свито,
ленты тянутся смертных венков...
И идут за поэтом свитой
все двенадцать учеников.

Отпевания — служба негромка,
и вливается в плачи листвы,
и читает псалмы Незнакомка
летней ночью у черной Невы.

Пусть — предсказаны были мытарства...
Хор звучал, голос девичий пел,
и поэт шел в Небесное Царство,
и его, как достойный, узрел.

И помедлила Незнакомка
близ аптеки и близ фонаря...
Отпевала Поэта негромко,
над Невой разгораясь, заря.

* * *

«Ночь, улица, фонарь, аптека»

А. Блок

Луча ночного льется локон
в раскрытого окна прореху.
Старинный том, цитата Блока:
«Ночь, улица, фонарь, аптека...»

Но как еще сказать иначе —
чтобы остановить мгновенье?
И почему так много значит
случайных слов перечисленье...

Здесь — фонарей растущих вёрсты,
на этой улице, как вежи.
Не различишь над ними звезды...
Но нет на улице Аптеки.

Кремниста улица, пустынна,
идешь, как странник, осторожно,
на остановке вечно стынет
еще какой-нибудь прохожий.

Ему, наверно, одиноко,
ему цитата, словно вежа,
он тоже вспоминает Блока:
«Ночь, улица, фонарь, аптека...»

Но отчего — так много значит
случайных слов перечисленье...
И как сказать еще иначе —
чтобы остановить мгновенье.

Зинаиде Гиппиус
и
Дмитрию Мережковскому

* * *

*К портрету Зинаиды Гиппиус
кисти Льва Бакста*

Перечеркнув белый
холст,
во весь несмелый
свой рост,

тенью точёной
вытянулась
утончённая
Гиппиус.

Взглядом зелёным,
из-под век,
глядит утомлённо
Серебряный век.

С осиной фигурой
узкой —
хранительница культуры
русской.

Но прежде чем точкой
стихи завершу,
найду ее строчку
которой дышу...

Строки, из света
свѣтые:
«Стихи поэта
любого — молитвы...»

* * *

*«Мережковские вѣли размеренную по часам жизнь.
Зинаида Николаевна вставала поздно...
Мережковский вставал рано и работал все утро...»*
И. Одоевцева, «На берегах Сены»

До полуночи за столом —
стихи, статьи, дневник, иль письма...
И засыпала лишь потом,
но и во снах бежали мысли.

А Дмитрий в это время спал
давно, в соседнем кабинете.
Писатель русский, он вставал,
чтобы работать на рассвете.

Встречались к завтраку они —
ликер, чай-кофе сигарета.
Так чередой шли дни и дни,
дух постоянства был, как кредо.

Прогулка — шли ладонь в ладонь,
она и в шляпе и в монокле.
И непременно чрез Булонь
в любой день — солнечный, иль блеклый.

В неделю раз — гостей толпа,
как петербургских сборищ эхо.
Она и он, как два столпа
времен Серебряного века.

Зеленой лампы яркий свет,
беседы, новые таланты,
Париж, гостиная и цвет
плеяды русских эмигрантов.

.....

Она его пережила
почти на два пустынных года.
Но до конца — дневник вела,
до часа смертного ухода.

Николаю Гумилёву

* * *

*«И умру я не на постели,
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще...»*
Николай Гумилёв, 1917

У следствия нет вопросов,
но есть приговор — расстрел.
Стена. Докурил папиросу
и стал ожидать пуль-стрел.

Убит он был на рассвете,
когда яснее мишень,
убит был в самом расцвете
таланта и сил — стал тень,

как тот, которому душно
было от новых времен,
убит, не дожив до пушкинской
зрелости — зол закон.

Пред смертью — улыбнулся
мальчикам-палачам,
сам, мальчик, будто коснулся
ангельского плеча.

Он к смерти шел, словно к цели,
и нет в предсказанье вины:
«Умру я — не на постели,
а здесь, у глухой стены...»

Погиб от доноса злого —
в тридцать, чуть больше, лет,
он знал — распинается Слово,
когда умирает поэт...

Пред смертью — улыбнулся
мальчикам-палачам,
сам, мальчик, будто коснулся
ангельского плеча...

Сергею Есенину

* * *

«О Русь, взмахни крылами...»

С. Есенин

Край размытых дорог
и дождя в ноябре,
но в означенный срок
тонет он — в серебре.

Край, где краше берёз —
в рощах тропки дорог,
край, где Север белёс,
край, где ветер продрог.

Край, где в облако слит
дым, маяча, из труб,
край горячих молитв
над прохладою губ.

Край, что Богом храним,
край босых, да святых,
край равнин, да рябин,
до крови налитых.

Божий Образ взвился —
на Него — ты похож,
край, где ты родился,
и куда ты придёшь —

в край, где держится грусть,
грусть без края-конца,
где кружит Птица-Русь,
с ликом Агнца-Гонца...

Георгию Иванову

* * *

«Какие прекрасные лица, и как это было давно...»

Г. Иванов

Прошлых лет вспоминаю уроки,
снова чьи-то слова повторю —
Век Серебряный... И за строки
эти — поэта благодарю.

Был он денди, галстук из шелка,
острословец, лик — херувим,
над бровями черная челка...
Стал певцом «Петербургских зим».

Эмигрант, пережил он скольких...
Жизнь приснилась или была?
В нищете на больничной койке
умер. Спит в Женевьев-де-Буа.

Раб поэзии был он верный,
горькой правдой стихи полны,
и считался поэтом первым —
эмиграции первой волны.

Цвет эпохи тускл на страницах,
как солдатской шинели сукно...
Но какие прекрасные лица,
и как всё это — было давно...

* * *

*«Поговори со мной о пустяках,
о вечности поговори со мной...»*

Г. Иванов

Поговори со мной —
о чудесном,
о вечном...
Или о вздорном...

Чтобы словам моим
было тесно,
а мыслям твоим —
просторно.

Поговори со мной —
до рассвета,
вдоволь
наговоримся,

чтобы тянулись
нити беседы
до часа,
когда простимся.

Чтобы лучей
подчеркнули линии
каждую
нашу строчку,

чтоб между
слов мы не ставили клинья —
ни запятых,
ни точек...

Чтобы казалось —
еще нам светит
путь над землю
Млечный,

поговори —
обо всём на свете —
о пустяках,
о вечном...

Михаилу Кузмину

* * *

«А мы, как Меньшиков в Березове,
читаем Библию и ждем...»

М. Кузмин

Жизнь — еще порадует угрозами,
иль, в конце концов — склонится лилией...
Надо ждать, как Меньшиков в Березове,
да читать единственную Библию.

И презрев толпу — ценить лишь братство,
и стяжать не золото — горсть пепла,
и пройти небесные мытарства,
и отдать на Храм — скупую лепту.

Не копить подарков бранных, царских —
ждать волхвов с последними дарами...
Уходить в обещанное Царство —
по тропинкам, тихими дворами,

среди берез, цветов, да трав высоких...
Пред иконой падать на колени,
подставлять врагу — другую щёку,
и любить того, кто не изменит...

* * *

*«... и она смотрела на меня, улыбаясь,
и бросила мне цветок из волос, желтый.
Я поднял его и поднес к губам...»*

М. Кузмин

Когда меня провели через сад,
направо, налево, через комнат ряд,
в прохладный покой, залитый светом,
лиловатым, как тени лета,

я подумал: «ангелы живут в такой тишине,
когда лето сменяет весну...»,
и дальше пошел, как идут во сне,
и ангел спросил меня: «Ну?» —

и бросил цветок из золотых волос —
это было начало суда,
как бросают камешки под откос...
А я поднял цветок и поднес к губам —

это был мой земной ответ,
и будущей жизни исток...

И ангел спросил: «На этот свет
зачем ты пришел?»

— «Чтобы поцеловать цветок...»

Осипу Мандельштаму

Читая книгу О. Лекманова «Мандельштам»

Может, это и есть тот хлеб
насущенный, о коем просишь,
в пути куда-то читая вздох
о Мандельштаме Иосифе? —

книгу, купленную всего
за десять долларов Штатов,
знал бы поэт, сколько его —
каждая весит цитата.

Он взял у Вечности столько строк,
верней, их основу сырую.
Вечность — сказал он — просто песок,
каждый немного ворует.

Сколько можно у Вечности взять
слов, край ее потревожив?
Кому дано преобразовать
их? — нищему, Ангелу Божьему,

прошедшему — через времени гам,
сквозь колымские муки,
в яме погибшему... Мандельштам —
протягиваю Вам руки...

Дом опального поэта

«Воронеж – блажь, Воронеж – ворон, нож...»

О. Мандельштам

«по хрусталиям я прохожу несмело...»

А. Ахматова (Воронеж, 1936)

Когда-нибудь, когда уронишь
в день будний слово «Позабудь»,
я от тебя сбегу в Воронеж,
в Саратов, в глушь, куда-нибудь,

туда, в замес метели белой,
в тот город-ворон, город-ёж,
куда по хрусталиям несмело
вослед за мною не пойдешь,

туда — на родину Кольцова,
ад Мандельштама, рай щегла,
твоим молчаньем окольцована —
в твоём тепле — мне нет угла.

Найду приют за краем света —
куда еще нести беду? —
и в дом опального поэта,
как Анна некогда, войду,

причастницею стану круга —
тех, кто в ненастье жить привык,
и стану нищенкой-подругой,
ведя воронежский дневник,

когда-то живших здесь поэтов
припоминая имена —
в Воронеже, за краем света,
давно, в глухие времена...

* * *

*«Есть у нас паутинка
шотландского старого пледа...»*

О. Мандельштам

Беглецы, где-то пледа найдем паутинку —
сквозь нее виден свет от вселенной бездонной,
мы от мира уйдем — безымянны, бездомны,
наши стихнут шаги на безлюдных тропинках,

там, где наши следы — просто пыльное бремя,
время нам не поймать — оно шероховато,
просто, в беге его — стрелки лишь виноваты,
разделяя весь мир — на пространство и время,

пусть — на ходиках давних гирькою горькой
счет ведется часам, дням, минутам, неделям —
белоснежной земли мы с тобою разделим
ткань шершавую — хлебную серую корку,

ледяная земля — паутинкою пледа укрыта,
белоснежное поле — последняя наша страница,
не предав никого, мы уходим с тобой — разночинцы,
время вспахано плугом, и звездами небо изрыто,

мы укроемся пледом, как флагом военным,
в час, когда мы поймем — время кончилось битвы
с жизнью той, где в конце наши слиты молитвы
в песнь о нас, беглецах — это лишь неизменно...

Владимиру Маяковскому

* * *

*«А вы ноктюрн сыграть могли бы
на флейте водосточных труб?..»*

«Я сразу смазал краску будня...»

В. Маяковский

Пусть будней стирается краска,
но кресло воскресного дня
запомнит горячую ласку
луча, как кусочек огня.

Растянуты будни, как волны,
шум улицы, шорохи шин,
но светится каждое слово
воскресной беседы... Кувшин

с цветами и шепот — не бойся,
окутайся в призрачный дым
из строчки о «соснах савойских»,
пусть плен ее станет святым,

пусть музыка строчки неточна,
небрежно дрожание струн,
на «флейте трубы водосточной»
нам ветер сыграет ноктюрн,

вплетенный в звенящие струны,
мы выберем только одно —
из вечного улицы шума —
звук неба, раскрывший окно...

* * *

*«Ведь, если звезды зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно...?»*
В. Маяковский

У каждой звезды есть такое Имя,
которое ты произносишь шепотом,
звезды в ночи зажигаются, чтобы
мы иногда говорили с ними.

Луч от звезды летит к ладони
твоей — невидимая дорога —
идя по ней, обращаешься к Богу
на языке бессловесном бездонном.

Звезда — фаворского света частица,
у каждой звезды есть такое пламя —
увидя его, ты думаешь — с нами
земной беды уже не случится.

Словно взгляды бездонные чьи-то,
звезды глядят на тебя издалёка,
твоя Звезда — это может быть око
Серафима многоочитого.

Жизнь — с небесными связана нитями
лучей в ночи — никуда не деться...
Твоя звезда — это может быть сердце
ангела-твоего-хранителя...

Звезды в ночи зажигаются, чтобы
мы иногда говорили с ними,
у каждой звезды есть такое Имя,
которое ты произносишь шепотом...

Борису Пастернаку

30 мая, день памяти поэта

А на столе свеча горела —
последнею отрадой взгляду,
и свет летел во все пределы,
как в давнем феврале когда-то.

Поэт коснулся взглядом церкви —
в окне рос храм Преображенья...
И знал поэт, что свет померкнет,
и вспыхнет Свет Преображенья.

Земное завершалось странствие,
спадала времени короста —
он был уже в ином пространстве,
которое — стихами создал.

Он вырывался из капкана
последних строк, над ним звучащих...
Последний луч в оконце глянул,
и соловей защелкал в чаще...

* * *

«...из тех материй, из которых хлопья шьют...»

Б. Пастернак

Пусть береза лист уронит
на стекло... Пусть вьется дым —
дань камина в дальнем доме
ранним сумеркам седым,

где сведется день к потере
капель, что роняет дождь...
Там на слух — еще поверят
в скрипы двери, в сердца дрожь.

Слышен шелк иных материй
там, где прошлое не жгут,
где в смиренность ждут и верят
в ад и рай, в терновый жгут,

где сменяется доныне
осень — сахарной зимой,
тонет ёлка в крестовине,
словно доли нет иной,

кроме той, что в дальнем доме,
где зимой горит камин,
где кармин заката тонет
в окнах, сумраком гоним...

В доме том и мне знакомы
каждой комнаты черты,
каждый угол, клин иконы,
где стоишь с молитвой — Ты...

Велимиру Хлебникову

* * *

*«Я вам расскажу, ... Мои зачеловеческие сны...
Я, носящий весь земной шар
На мизинце правой руки...»
Велимир Хлебников*

Пускай еще подремлет лира,
ее я мирно отложу,
когда читаю Велимира,
брожу по строкам-виражу.
За буквой буква — в Слово мчится,
покуда образ не возник...
Ведь я всего лишь ученица,
а он — Вселенной ученик.
Откуда он — мы не спросили,
пришел к нам как Вселенной сын,
как ангел, он прошел Россию —
с котомкой, с посохом, босым...
Он Книги создал строй — Единой,
той, у которой нет конца,
водя пером лишь голубиным,
где на обложке — знак Творца.
В словах узор Вселенной выткал,
ушел тропинкой-тишиной,
неся в душе земные свитки,
и на мизинце — шар Земной...

* * *

*«Помогайте звонари, я устал...»
Велимир Хлебников*

Как рубец морозной-розной ночи,
полумесяц венчиком из стали,
раскачаем Слова колокольчик,
звонари помогут, коль устали.

Звук печалью разорвет улыбку,
укорит набатом, вещим, вечным,
язычок в нем — серебристой рыбкой,
голос не похож на человеческий,

очертаньем чаши полузыбкой,
с колокольни-звонницы на площадь
упадет, и в трещине-улыбке
ветер — хриплый голос прополощет.

Звонари помогут, коль устали,
нескончаем Слова колокольчик...
Полумесяц-ободок из стали,
как венец рубца морозной ночи...

* * *

*«Буду делать сурово
Спички судьбы...» Велимир Хлебников
«Что любопытно тут для меня,
это логическое развитие темы спичек...»
В. Набоков*

Сквозь времени медленный гам —
звук голоса одинокого
влечет к «другим берегам» —
Хлебникова... Набокова...

Несчётно — в истории веж,
но эта стала — заклётой,
обозначая век
тот, что зовем Двадцатым.

Время ушло — тишины,
влилось в тесное русло —
гениев без страны,
без родины — мальчиков русских.

Вспыхнула на ветру
спичка, пожаром сгорела...
Я её подберу —
она никого не согрела.

Как оказались слабы́
границы жизни и мира...
Спички сгорели судьбы —
Владимира и Велимира...

* * *

«А на обложке — надпись Творца...»
Велимир Хлебников

Голос твой шелковинкой-закладкой
в Книге Единой — о нас, в страницах,
там, где написано кратко и гладко
все, что о жизни нашей приснится.

Звездным вечером розно никнем
над чьим-то томом, мыслью неспящей,
читаем одну бесконечную книгу,
думаем вечно, прочтя — о разном.

Перелетает страница-странница,
клад охраняет граница-закладочка,
к вечеру тень от страницы сгибается
черным крылом погубленной бабочки.

Наших имен письмена голубые
луч подчеркнет ненадежной дорожкой,
судьбы из книг выбираем любые,
надпись Творца прочтя на обложке...

Марине Цветаевой

31 августа 1941 года

Сияньем августа сотри,
пока не поздно,
строку пленяющей петли,
звук гласный, грозный.

Приют бревенчатый, труха
сухого лета.
О, как провинция глуха
к судьбе поэта.

Рябины ранней горечь-горсть,
скупая лепта.
строка-петля обвила гвоздь
литою лентой.

В гортани звуки от рывка
спеклись и слиплись.
Исчезло все. Душа легка.
Апокалипсис.

Хранитель-ангел тонких рук
разнять не сможет.
Хранитель-ветер к звуку звук —
молитву сложит.

Великая страдальица Марина

Земная чаша выпита до дна —
расстрелян муж, (где дочь?), шестнадцать сыну.
Вот и осталась на земле одна
великая страдальица — Марина.

Уральский камень. Кама. Даль. Река.
Строка, что оказалась самой горькой —
последнее, что вывела рука:
«Позвольте быть у вас — посудомойкой...»

Не разрешили. Почему? Вопрос,
что без ответа до сих пор витает.
Поэт, как Иов — наг и нищ, и бос
приходит... Так же — землю покидает,

без подаянья. И пуста сума,
последнее (парижской моды) платье...
На казнь она вела себя — сама,
и выбрала сама себе — распятые.

Поэт пред гибелью велик, как Бог...
Последний ветер сердца жар остудит.
Не на земле, а в небесах итог
Тот подведет, Кто жизнь дает и судит.

Поэт живет, чтоб «мыслить и страдать».
Его вериги — веских слов оковы.
Не требуя похвал, поэт готов отдать,
как дар небес, свое живое слово.

Священные бумаги не горят.
Слова летят во все пределы света.
Пусть всё умолкнет. Камни говорят,
вдруг оживая, языком поэта.

О растворенья в мирах, Марина...

*«О растворенья в мирах, Марина, падучие звезды!
Мы ничего не умножим, куда б ни упали,
какой бы новой звездой!»*

Райнер Рильке

Строка... Она, как тихий вздох, не длинна,
меж нами — жизнь, вздымающая версты,
о растворенья в мирах, Марина,
мы там взойдем, куда уходят звезды.

Мы их число собою не умножим,
давно в мирах подведены итоги,
начал начало — чаемое ложе —
уход наш цифр не нарушает строгих.

Марина! Мы — земля, весна, мы песня!
Мы — к небесам открытая воронка,
в краях заоблачных нам так же тесно,
как на земле руладам жаворонка.

Мы начинаем первый звук — осанной,
но клонит голос наш земная тяжесть,
наш плач восходит гимном первозданным,
хотя к земле он первой данью ляжет.

Мы так слабы, Марина, даже в самых
движеньях чистых мы должны проститься.
Прикосновения — смертельны, равны
желанью робкому — испить водицы

живой, прозрачной, той, что наделяет
весенним соком жаждущие ветви...
Пусть жесты нас порою разделяют,
но вести — причисляют нас к бессмертью.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. Л. Шестакова. Предисловие</i>	3
Поэтам, жизнь мою сложившим	5
Поэты	6
Поэтам Серебряного века	7
ИННОКЕНТИЮ АННЕНСКОМУ	
Кипарисовый ларец.....	8
АННЕ АХМАТОВОЙ	
Профиль Матери, ждущей Сына	9
Там высечена в камне Анна	9
«Уже слышны уключины тех лодок...»	10
АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ	
«Предсказанье становится Роком...»	12
«Луча ночного льется локон...»	13
ЗИНАИДЕ ГИППИУС И	
ДМИТРИЮ МЕРЕЖКОВСКОМУ	
«Перечеркнув белый холст...»	14
«До полуночи за столом...»	15
НИКОЛАЮ ГУМИЛЁВУ	
«У следствия нет вопросов...»	17
СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ	
«Край размытых дорог...»	19
ГЕОРГИЮ ИВАНОВУ	
«Прошлых лет вспоминаю уроки...»	20
«Поговори со мной – о чудесном...»	21
МИХАИЛУ КУЗМИНУ	
«Жизнь – еще порадует угрозами...»	23
«Когда меня провели через сад...»	24
ОСИПУ МАНДЕЛЬШТАМУ	
Читая книгу О. Лекманова «Мандельштам»	25
Дом опального поэта.....	26
«Беглецы, где-то плета найдем паутинку...»	27
ВЛАДИМИРУ МАЯКОВСКОМУ	
«Пусть будней стирается краска...»	28
«У каждой звезды есть такое Имя...»	29

БОРИСУ ПАСТЕРНАКУ

- 30 мая, день памяти поэта..... 30
«Пусть береза лист уронит...»..... 30

ВЕЛИМИРУ ХЛЕБНИКОВУ

- «Пускай еще подремлет лира...» 32
«Как рубец морозной-розной ночи...» 32
«Сквозь времени медленный гам...»..... 33
«Голос твой шелковинкой-закладкой...» 34

МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

- 31 августа 1941 года 35
Великая страдальца Марина 36
«О растворенье в мирах, Марина...» 37

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
Библиотека альманаха "СЛОВЕСНОСТЬ"

Людмила Ивановна Колодяжная
ПОЭТАМ, ЖИЗНЬ МОЮ СЛОЖИВШИМ
Стихотворения

Книжная серия «Визитная карточка литератора»

Редактор – Евгений Степанов
Выпускающий редактор – Нина Давыдова
Художник – Татьяна Виноградова
Компьютерная вёрстка – Марина Кива

Бумага офсетная
Гарнитура Calibri
Тираж 100 экземпляров.
Сдано в набор 27.06.2014
Подписано в печать 17.07.2014

Издательство и типография
«Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978-62-75